МИНІАТЮРЫ И СКАЗКИ

Б. А. ПОПОВИЦКАГО.

Miniatures and Fairy Tales

by

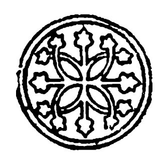
B. A. POPOVITZKY

Price $1.25

МИНІАТЮРЫ И СКАЗКИ

Б. А. ПОПОВИЦКАГО.

Miniatures and Fairy Tales

by

B. A. POPOVITZKY

Типографія Г. Оффина 152 Истъ Бродвей, Нью Іоркъ.
(The Zunser Press)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Много лѣтъ тому назадъ, въ часы досуга, шутя, я набросалъ свои миніатюры, помѣщенныя впослѣдствіи въ журналѣ, издававшемся при Николаевскомъ Кадетскомъ Корпусѣ въ Петроградѣ („Маленькій Журналъ" за 1907 г. № № 1, 3 и 5-6), и вотъ теперь, вдали отъ родины, за Океаномъ, мнѣ захотѣлось издать ихъ для себя и для тѣхъ, кто не поставитъ мнѣ въ большой укоръ моихъ юношескихъ бредней. Къ нимъ я присоединилъ небольшой монологъ, навѣянный очаровательной комедіей: „Подъ душистою вѣткой сирени", и двѣ сказки въ стилѣ и духѣ Царя Салтана.

Да простятъ мнѣ эти гротески мои грядущіе строгіе зоилы, и да послужитъ мнѣ оправданіемъ хотя бы то, что въ своей кочевой жизни я разъ навсегда отказался отъ дальнѣйшихъ литературныхъ попытокъ въ томъ жанрѣ, который предлагается вниманію терпѣливаго читателя въ настоящемъ сборникѣ.

Б. А. Поповицкій.

Нью-Іоркъ,
1918.

МУХА.

Dedicated to Eugene.

Не смѣйся надъ моимъ влеченьемъ
Писать поэмы для дѣтей,
Я каюсь въ немъ безъ сожалѣнья
О томъ, что не былъ я умнѣй.

I.

На дняхъ я получилъ въ наслѣдство
Помѣщичій, старинный домъ.
Въ немъ раннее провелъ я дѣтство,
Тамъ спалъ невиннымъ, чистымъ сномъ.

Прошедшее въ мечтахъ невольно
Рисуется. Жилось привольно
И весело мнѣ тамъ тогда.
Бывало, всѣ мы — господа,

Къ крестьянамъ заходили въ гости;
Ну, старшіе поговорятъ,
А мы всѣхъ созовемъ ребятъ, —
Играемъ въ бабки или въ кости.

Но эпизодъ одинъ яснѣй
Всплываетъ въ памяти моей.

* * *

II.

Мнѣ было лѣтъ такъ семь иль восемь.
Тогда стояла на дворѣ
Ненастная, глухая осень:
Шелъ снѣгъ, какъ будто въ январѣ.

Гулять на дворъ насъ не пускали,
А дома взаперти держали.
Все время чтеньемъ и игрой
Мы развлекалися съ сестрой.

Насъ было двое, только Надя
Постарше чуточку была
И рѣдкой умницей слыла.
У насъ былъ старый, старый дядя

Съ сѣдой, косматой бородой,
Въ туфляхъ, халатѣ, страшно злой.

* * *

III.

Его боялись мы ужасно.
Случится, только провинись,
Мольбы и слезы все напрасно:
Какъ ты не кайся, ни винись,

Оттреплетъ за ухо пребольно
Такъ, что изъ нашихъ глазъ невольно
Польется горькихъ слезъ ручей,
Грѣхъ такъ наказывать дѣтей!...

Однажды — дѣло было къ ночи —
Разбилъ я вазочку. Меня
За это дядя, разбраня,
Повелъ въ чуланъ, а я что мочи

Сопротивлялся и ревѣлъ,
И подчиниться не хотѣлъ.

* * *

IV.

Какъ страшно... какъ темно въ чуланѣ.
Откройте дядюшка родной!
Все тихо... Сѣлъ на чемоданѣ
Я въ уголкѣ. Вдругъ предо мной

Изъ за угла ползетъ степенно
Большая мышь. О, несомнѣнно,
Она меня заѣстъ теперь.
Откройте, ради Бога дверь!...

Я въ страхѣ поджимаю ноги,
А мышь, замѣтя, что она
Была здѣсь вовсе не одна,
Бѣгомъ спасается въ тревогѣ.

Какъ время тянется... Скорѣй
Открыли-бъ. — Буду впредь умнѣй.

* * *

V.

Что если мнѣ вдругъ привидѣнье
Покажется? Ну, что тогда?
Вѣдь я тогда-бы, безъ сомнѣнья,
Отъ страха умеръ, господа!
И въ это самое мгновенье
Свое увидѣлъ отраженье
Я въ пыльномъ зеркалѣ. Стекло
Все паутиной обросло.
По зеркалу чернѣли точки,
И мухи спали вѣчнымъ сномъ.
Въ воображеніи моемъ
Казалось мнѣ, что эти строчки
Мельчайшихъ буквъ. Кто ихъ писалъ?
Я подошелъ и прочиталъ.

VI.

Дневникъ Мухи.

„Предъ вами жалкая картина:
„Чего я на своемъ вѣку
„Ни видѣла, а въ паутину
„Попала къ злому пауку.

„Я муха. Всѣ меня задорной
„Считали, вѣтреной и вздорной.
„Жужжать любила у окна,
„Смотрѣть въ большія зеркала;

* * *

„Надъ комаромъ смѣялась часто,
„Когда, попивъ людскую кровь,
„Онъ робко пѣлъ мнѣ про любовь.
„И вотъ теперь умру несчастной

„Рабой, въ тенетахъ паука,—
„Меня онъ съѣстъ навѣрняка.

VII.

„Но прежде чѣмъ засну навѣки,
„Про злыя козни паука
„Я разскажу вамъ, человѣки!
„Однажды къ намъ издалека

„Донесся слухъ, что здѣсь въ чуланѣ,
„Недалеко отъ чемодана,
„Устроитъ выставку паукъ.
„Онъ приглашаетъ всѣхъ насъ мухъ
„На выставку своихъ издѣлій.

* * *

„Жужжа, слетѣлись мы въ чуланъ.
„Приползъ сюда и тараканъ.
„Такихъ прекрасныхъ рукодѣлій
„Мы, право, раньше никогда
„И не видали, господа!

* * *

VIII.

„И, накупивъ, товаровъ массу,
„Мы собирались уходить.

„Намъ оставалось только въ кассу
„Отправиться и заплатить.

„Но тутъ то и была ловушка,
„Какъ только подходила мушка

„Къ нему поближе, онъ тотчасъ
„Кидалъ арканъ и такъ всѣхъ насъ

„Переловилъ. Хоть мы видали,
„Что мухи тѣсною толпой
„У кассы жались. Боже мой!
„Причины мы не угадали.

„Какъ долго", думали „паукъ
„Мѣняетъ деньги нашихъ мухъ".

....

Тутъ я проснулся. Неужели
Все это было только сномъ,
Всѣ эти мухи? еле-еле
Опомниться я могъ потомъ.

Меня будила нѣжно Надя.
Въ дверяхъ стоялъ сердитый дядя...

* * *

КУКЛА.

Поэма въ 14-ти пѣсняхъ.

I.

Намъ всѣмъ наскучили изрядно
Романы, длинный рядъ поэмъ,
Гдѣ про любовь все такъ парадно
Толкуютъ. Гдѣ же, между тѣмъ,
Сюжетъ иной, неприхотливый
Отыщешь ты, неутомимый
Искатель новизны, поэтъ?
Вниманье! Я возьму сюжетъ,
Какъ ни покажется вамъ страннымъ,
Изъ быта маленькихъ дѣтей,
Ихъ куколъ и волшебныхъ фей.
Но предисловіемъ пространнымъ
Я не хочу васъ утомлять
И поспѣшу скорѣй начать.

II.

Царитъ на Невскомъ оживленье.
За парой рослыхъ рысаковъ
Спѣшитъ другая. Вкругъ движенье,
Мелькаютъ лица сѣдоковъ.

Здѣсь пѣшеходовъ рядъ смиренной
Походкой движется степенной,
А тамъ при блескѣ фонарей
Кареты, множество саней...

Едва передвигая ноги,
Двѣ клячи съ конкой поплелись.
Вдругъ вспыхнувъ, вновь огни зажглись.
Сверкаетъ снѣгъ среди дороги...

Съ небесъ задумчива, грустна
Глядитъ печальная луна.

* * *

III.

За библіотекой публичной,
У самой думы, съ давнихъ поръ
Стоитъ излюбленный столичной
Всей публикой „Гостиный дворъ".

На окнахъ — выставки товаровъ.
Тутъ все найдёшь: и самоваровъ
Пузатыхъ, неуклюжихъ строй,
И платья моднаго покрой.

И передъ выставкой богатой
Толпится, шепчется народъ.
Иной стоитъ, разинувъ ротъ.
Тамъ франтъ какой нибудь завзятый

Увидѣлъ галстуха фасонъ,—
Его въ мечтахъ примѣрилъ онъ.

* * *

IV.

А вотъ и магазинъ игрушекъ.
Одѣты въ праздничный парядъ
На окнахъ куклы; погремушекъ,
Солдатиковъ веселый рядъ.

Коровы дойныя, лошадки,
Савочки, маленькія кадки,
Посуды кукольной приборъ
И дѣтскихъ кубиковъ наборъ.

Паяцъ играетъ на шарманкѣ
И бьетъ рукою въ барабанъ.
Медвѣдя тамъ ведетъ цыганъ.
По ниткамъ лазятъ обезьянки.

А вотъ на полочкѣ одной
Волчокъ тамъ съ мышкой заводной.

* * *

V

Въ то время въ самомъ магазинѣ,
Неподалеку отъ окна,
На старой брошенной корзинѣ
Лежала куколка одна.

Туда забросилъ въ раздраженьи
Ее приказчикъ — нѣтъ терпѣнья!
Какъ ни старался куклу сбыть,
Не покупаютъ, какъ тутъ быть?

Она-жъ казалась безучастной
Къ поступку грубому его.
Не понимая ничего,
Попрежнему была прекрасной.

Кого сердить она могла?
Она всегда вѣдь такъ мила.

VI.

И вправду, куколкой гордиться
Могъ фабрикантъ и магазинъ.
Какъ могъ ее не согласиться
Купить тотъ странный господинъ?

Всѣхъ приводили въ восхищенье
Ея глаза и, внѣ сомнѣнья,

Изящный, чудный туалетъ.
Опа пищала: „да" и „нѣтъ",

Руками двигала проворно,
Глаза могла закрыть, открыть,
Смѣяться, спать, спокойной быть.
Такую куколку безспорно

Купить не прочь-бы былъ и я,
Но — не по средствамъ для меня.

VII.

Ахъ, вѣчно спать на днѣ картонки,
Въ глаза не видя Божій свѣтъ,

Ей такъ наскучило, что звонко
Она зѣвнула „нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ".

И въ это самое мгновенье
Кругомъ услышала движенье,
Неторопливый шумъ шаговъ
И топотъ чьихъ-то каблуковъ.

Охъ!... Наконецъ она свободно
Всей грудью глубоко вздохнетъ
И скинетъ крышки тяжкій гнетъ.
Хотя ей не совсѣмъ удобно

Да и темно въ углу лежать,
Все лучше, чѣмъ въ коробкѣ спать.

VIII.

Недолго наша героиня
Лежала въ темнотѣ угла.

Однажды къ окнамъ магазина
Княгиня съ дочкой подошла:

— Ma petite не хочешь ли игрушку
Тебѣ куплю я, бездѣлушку?
Maman, achetez moi, s'il vous plait,
Cette elegante et belle poupee
И тотчасъ двери магазина
Онѣ раскрыли. Быстро торгъ
Покончень былъ. Какой восторгъ
Для дочки, маленькой княгини!

Въ ландо садятся и домой
Везутъ сокровище съ собой.

IX.

У маленькой княжны привольно
Жилося куколкѣ моей,
И, Боже, какъ была довольна
Она теперь судьбой своей.

Дни протекали такъ пріятно,
А каждый вечеръ аккуратно
Ее укладывали спать
На золоченую кровать.

Княжна считалась мамой куклы,
Ее любила раздѣвать
И послѣ снова одѣвать,
Расчесывать златыя букли,

Шутя, нотаціи читать
И дочкой милой называть.

X.

Казалось, нашей героини
Жизнь въ счастьѣ мирно протечетъ.

Ей любовалася княгиня,
И отъ прислуги былъ почетъ.
Но на бѣду Эротъ — плутишка,
Венеры маленькій сынишка
Разъ куклу гдѣ-то подстерегъ,
Сердечко ей стрѣлой обжегъ.

По комъ-же по ночамъ вздыхаетъ
Малютка бѣдная моя?
Вся днемъ, какъ будто, не своя,
Ничто ее не занимаетъ...

Кто сердца куклы господинъ
И полноправный властелинъ?

* * *

XI.

Въ гостиной, въ клѣткѣ золоченой
Сидѣлъ, нахмурившись, въ кольцѣ,
Досадой ѣдкой удрученный,
Зеленый попугай. Въ концѣ

Гостиной на столѣ забыта
Лежала куколка. Сердито
Она смотрѣла все вокругъ,
И злобно прохрипѣла вдругъ:

„Да развѣ-жъ это не безбожно
Птицъ въ тѣсну клѣтку запирать
Имъ нѣтъ простора полетать...
Весь вѣкъ въ тюрьмѣ жить невозможно

Меня онъ любитъ, а вѣдь тутъ
И видѣться намъ не дадутъ!

* * *

XII.

Для куколки такой прекраспой
На все нашъ попугай готовъ!
Неволя кажется ужасной...
Освободиться отъ оковъ

Онъ жаждетъ всей своей душою.
Готовъ пожертвовать собою,
Лишь только-бъ клѣтку разломать
И къ сердцу куколку прижать.

Ему въ постылой клѣткѣ скучпо.
Но что это? Какой испугъ!
Задвижка соскочила вдругъ.
Огромный котъ совсѣмъ беззвучно

Дверь клѣткп настежъ отворилъ
И за добычею слѣдилъ.

XIII.

Весь замирая отъ волненья,
Мимо кота онъ пролетѣлъ
И, пе скрывая раздраженья,
Проговорилъ: „каковъ пострѣлъ!"

И возлѣ куклы сѣлъ онъ чипно.
А котъ межъ тѣмъ, махая длинпымъ
Хвостомъ, подползъ совсѣмъ къ столу
И легъ уютно на полу,

За нимъ слѣдя блестящимъ окомъ.
Но вдругъ прыжокъ, еще и вотъ
Вцѣпился дерзко въ куклу котъ.
Въ негодованіи глубокомъ

На помощь къ куклѣ попугай
Летитъ, крича: „эй, выручай"!

XIV.

Шитьемъ прилежно занятая
Вдругъ слышитъ юная княжна,
Возню и крики попугая.
О, Боже! Какъ поражена

Была несчастнымъ видомъ куклы
Бѣдняжка! Тутъ валялись букли,
Подальше же одна нога
Лежала, а за ней рука.

Кто могъ бы въ лысой куклѣ этой
Съ подбитымъ носомъ и щекой
Съ одной оставшейся рукой
Узнать любимицу поэта?

Увы, оконченъ чудный сонъ!
Поэму прекращаетъ онъ.

РОМАШКА.

Miniature.

I.

Въ богатой, царственной куртинѣ
Среди левкоевъ, резеды
Пестрѣли астры, георгины
И маковъ стройные ряды.

Въ углу куртины сиротливо
Ромашка скромная цвѣла.
Едва стемнѣетъ — ужъ стыдливо
Она свой вѣнчикъ собрала

И мирно спитъ вплоть да разсвѣта,
А тамъ — росой напоена,
Лучами солнышка согрѣта,
Проснется весело она.

Есть у нея свои печали:
Ее манитъ просторъ полей...
Какъ скучно, если-бы вы знали,
Здѣсь, въ тѣсной клумбѣ, бѣдной ей!

А эти братья по неволѣ,
Всѣ эти пышные цвѣты, —
Они довольны рабской долей,
Ихъ не преслѣдуютъ мечты!

Да, имъ невѣдома свобода:
Зимою въ душныхъ парникахъ,
Ихъ не коснется непогода,
Не слышенъ шелестъ въ ихъ стебляхъ.

Какъ занимаютъ ихъ наряды!
Какое чванство красотой!

А на нее не кинутъ взгляда:
Мужичку какъ равнять съ собой!

Къ ихъ поведенью равнодушной,
Ромашка кроткая была,
Всегда казалось добродушной,
Хоть полюбить ихъ не могла.

II.

Удушливый, однажды, знойный
Кончался лѣтній день.
Ни колыхнетъ... вездѣ спокойно,
Кто можетъ, прячутся всѣ въ тѣнь.
Но вотъ и вечеръ, съ нимъ прохлада,
И оживаетъ пыльный садъ.
Стемнѣло. Въ небѣ миріады
Блестящихъ звѣздочекъ горятъ.
— О, Боже! какъ я одинока!
Ромашка шепчетъ: — въ эту ночь,
Ахъ, какъ хотѣлось бы... глубоко
Мнѣ полюбить!... нѣтъ!... лучше про
Пустыя, праздныя мечтанья!...
Но что вблизи сверкнуло такъ?
Еще... все ближе... вновь мерцанье...
Къ ромашкѣ быстро ползъ свѣтлякъ.
И съ нѣжнымъ ропотомъ склонила
Къ нему свой вѣнчикъ вдругъ она...

Хотите знать судьбу ромашки?
Увы! обглодана была
Тѣмъ свѣтлякомъ моя бѣдняжка,
Отъ ранъ жестокихъ умерла.

На утро въ клумбѣ разговоры
И пересуды, но цвѣтовъ
Нелестны были приговоры, —
Хоть ей завидовать готовъ
Въ душѣ былъ всякій. Знайте, розы
Отъ зависти лишились сна,
Свои не скроетъ астра слезы
И злится пуще всѣхъ она.

ЧТО ЖЕ НАДЯ НЕ ИДЕТЪ?

Монологъ.

Всѣ до сихъ поръ меня считали
Мальчишкой, маменьки сынкомъ.
Что если бы они видали,
Какъ крался я сюда, тайкомъ?
Здѣсь мнѣ назначила свиданье
Сегодня Надя. Въ ожиданьи,
Въ волненьи длинный день прошелъ,-
Я, кажется, за часъ пришелъ.
Но это ничего, конечно,
И Надя тоже поспѣшитъ.
Вотъ какъ бы мнѣ не позабыть
Стиховъ: (декламируетъ) „я счастливъ безконечно,
. Твой образъ дѣвственный манилъ
Меня"... Куда? Вотъ и забылъ.
Досадно! А вѣдь, къ сожалѣнью,
Я не могу ни одного
Припомнить здѣсь стихотворенья.
Изъ Пушкина бы хорошо.
Какъ, право, было бы красиво:
„Я, кажется рожденъ небоязливымъ"...
Да, Пушкинъ славный былъ поэтъ,
Къ несчастью, памяти то нѣтъ.
„Любовь мутитъ воображенье"...
(эти слова съ паѳосомъ).
Но что же Надя не идетъ?
Ужъ не забыла-ль, или вотъ
Еще одно предположенье:
Ее могли вѣдь наказать,
У ней такая злюка мать.
А вдругъ... О, Боже, подозрѣнье

Въ мою закралось грудь. Нѣтъ, нѣтъ!
А эти клятвы, увѣренья...
Я знаю, былъ одинъ корнетъ,—
Она сама мнѣ въ томъ призналась.
Что если вправду насмѣхалась
Она въ тотъ вечеръ надо мной?
Какъ это низко, Боже мой!
И я могъ вѣрить ей, кокеткѣ,
Бездушной, взбалмошной, пустой!
Ну, если такъ, тогда постой.
Хотя сердитъ бываю рѣдко,
Тебѣ я буду страшно мстить,
О, я готовъ ее убить.
(Плача) Ты никогда не понимала
Меня, и гдѣ жъ тебѣ понять!
Влюбилась въ усача — нахала.
Легко усами васъ плѣнять,
Дѣвчонки! Все тобой забыто,
Отнынѣ жизнь моя разбита.
Я точно въ библіи Самсонъ,
Когда волосъ лишился онъ.
Да-съ, но шутить со мной опасно.
Но что это?... шаги?... она
Идетъ раскаянья полна.
Нѣтъ, я винилъ ее напрасно!
Надюша, Наденька, смѣлѣй,
Я — здѣсь, я жду тебя! Скорѣй!!!

ЦЫГАНКА.

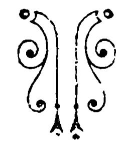
Дуэтъ.

Баринъ:

Эй, цыганка! подп-ка сюда
И пропой мнѣ веселую пѣсню.
Некрасива ты: что за бѣда!
Говорятъ, ты танцуешь чудесно.
Или нѣтъ, лучше спой про любовь
Къ молодому красавцу цыгану.
Эта пѣсня взволнуетъ мнѣ кровь,
И я слушать тебя не устану.

Цыганка:

Что-же, баринъ, вся правда твоя:
Некрасивой я стала да старой;
А была вѣдь и я молода —
И плясала и пѣла съ гитарой.
Разсказать просишь ты про любовь...
Врядъ-ли будетъ тебѣ такъ занятно:
Въ насъ бушуетъ цыганская кровь,
И любовь наша вамъ непонятна.

СКАЗКА.

О сердечкѣ на серебряномъ колечкѣ.

* * *

I.

Въ тридевятомъ дальнемъ царствѣ,
Въ тридесятомъ государствѣ
Жилъ-былъ старый, дряхлый царь,
Стороны той государь.
Царь женатъ, его царица—
Круглолица, бѣлолица,
Бровки черныя дугою,
Губки алой полосою,
Нраву кроткаго, скромна,
Всѣмъ доступна и умна.
Царь съ царицей мирно жили,
Объ одномъ они тужили,
Что дѣтей у нихъ все нѣтъ.
Вотъ однажды на совѣтъ
Мудрецовъ царь созываетъ,
Ихъ съ тревогой вопрошаетъ,
Чтобъ сказали, почему
Дѣтокъ не далъ Богъ ему,
За какія прегрѣшенья,
Не послалъ имъ утѣшенья.
Какъ бы горюшку помочь,
Чтобы сына али дочь
Родила ему царица.
Вдругъ въ окно влетѣла птица,
На земь кинулась, и вмигъ
Предъ царемъ предсталъ старикъ.

— Царь, промолвилъ онъ учтиво:
„Не изъ лести, а правдиво
„Я скажу тебѣ — чрезъ годъ
„Возликуетъ твой народъ.
„Съ ночи сей твоя царица
Понесетъ и разрѣшится
„Сыномъ — будетъ онъ царемъ
„По тебѣ, богатыремъ."
И, промолвивъ это слово,
Обернулся птицей снова,
Лихо крыльями взмахнулъ
И въ окошко упорхнулъ.

Царь въ раздумьи съ трона сходитъ
И съ окна очей не сводитъ, —
Но волшебника ужъ нѣтъ,
Улетѣлъ, простылъ и слѣдъ.

II.

Быстро день за днемъ проходитъ,
Срокъ родинъ уже подходитъ.
Разъ царица у окна
Сѣла пряжу прясть одна.

Вотъ она прядетъ и слышитъ,
Будто кто-то рядомъ дышетъ.
Оглянулась, да какъ: ахъ!
Подъ окномъ орелъ, въ когтяхъ

У орла трепещетъ птица.
Разсердилася царица
И въ орла веретеномъ,
Да и скрылась за окномъ.

Тутъ съ досады хищникъ грозный
Полетѣлъ въ свой край надзвѣздный.

А царица поскорѣй
Къ птичкѣ бросилась своей.

Чтожъ увидѣла царица?
Старцемъ обернулась птица.
Старче ближе подошелъ
И такую рѣчь повелъ:

„Ты спасла меня отъ злого
„Мого ворога лихого,
„И пока я буду жить,
„Буду я тебѣ служить.

„На, возьми въ залогъ сердечко
„На серебряномъ колечкѣ
„И сынку на грудь повѣсь.
„Лишь присвистнетъ, буду здѣсь,

„А въ кольцо подуетъ — птицей
„Обернется" — тутъ съ царицей
Старче молча распрощался,
Птицей сталъ и въ высь умчался.

А царица лишь дошла
До дворца, занемогла,
Съ ночи мучилась, томилась,
Къ утру сыномъ разрѣшилась.

III.

Вы, глашатаи, трубите
И народъ скорѣй зовите,
Чтобъ сбирались во дворецъ,
Такъ велѣлъ, молъ, царь-отецъ!
Въ день царевича крещенья
Всѣмъ готово угощенье:
Всякъ — богатъ, аль нищъ и хромъ,
Пусть идутъ всѣ въ царскій домъ.

Долго гости пировали,
Все царицу величали.
Медъ, вино лились рѣкой,
Словомъ, былъ тамъ пиръ горой.

IV.

Вотъ царевичъ не по днямъ
Сталъ рости, а по часамъ.
Скоро ужъ коня сѣдлаютъ
И царевича сажаютъ.

На охоту ѣдетъ онъ,
Пышной свитой окруженъ.
И царевичу въ забаву
Злу устроили облаву

На волковъ, на медвѣдей
Да на всѣхъ лѣсныхъ звѣрей.
Но наскучила охота,
Къ сну манитъ, беретъ зѣвота.

Свита вся въ лѣсу храпитъ.
Лишь царевичъ нашъ не спитъ.
Только — вспомнилъ про сердечко
На серебряномъ колечкѣ,

Началъ дуть въ кольцо и что-жъ?
Вмигъ на птицу сталъ похожъ.
Перверпулся, отряхнулся,
Осмотрѣлся, встрепенулся,

Полетѣлъ и былъ таковъ.
Долетѣлъ до облаковъ,
А затѣмъ опять спустился
И на елкѣ примостился.

А охотники межъ тѣмъ
Пробудилися совсѣмъ.
Смотрятъ — крошечная птичка
Ростомъ, просто, невеличка.

—„Дай-ка, мы вѣрнѣй нацѣлимъ
Да пичугу и пристрѣлимъ."
И убили наповалъ.
Тутъ одинъ къ ней подскакалъ,

Смотритъ — рядомъ съ ней сердечко
На серебряномъ колечкѣ —
И въ отчаяньи тогда
Стали звать всѣ колдуна.

То не вѣтръ лихой свиститъ,
То волшебникъ въ лѣсъ летитъ.
Прилетѣлъ и ну водою
Прыскать мертвой и живою.

Встрепенулась птичка вмигъ,
И сказалъ тогда старикъ:
—„Впредь съ сердечкомъ осторожно
„Обращайся! Такъ вѣдь можно

„Жизнь напрасно потерять.
„На кого тогда пѣнять?"

И промолвивъ это слово,
Обернулся птицей снова,
Плавно крыльями взмахнулъ
И изъ лѣса упорхнулъ.

V.

Свищетъ вѣтеръ надъ рѣкой,
Рыба ходитъ подъ водой,

Караси, сиги, миноги,
Угорь, крабы, осьминоги.
Въ глубинѣ на самомъ днѣ
Спитъ царевна въ сладкомъ снѣ.
Это — присказка, за нею
Сказку, братцы, разумѣю.

* * *

За долами, за холмами,
За высокими горами
Теремъ княжескій стоялъ.
Передъ нимъ ручей плескалъ.
Въ терему жила царевна
Анастасья-свѣтъ Андревна,
Краше солнышка лучей,
Тоньше стройныхъ тополей.
Вотъ однажды у окошка,
Призадумавшись немножко,
Сѣла прясть моя краса.
Распустилася коса,
Пряжа выпала изъ рукъ,
И заснула тихо вдругъ.
Сонъ-ли, нѣтъ-ли, ей сдается,
Что въ окошко кто-то бьется.
Смотритъ — птичка: „Дай, впущу
И пшеничкой угощу".
Отворила, птица смѣло
Порхъ въ свѣтлицу, на полъ сѣла,
Трижды хлопнула крыломъ,
Обернулась молодцомъ.
—„Здравствуй, милая царевна,
Анастасья-свѣтъ Андревна!
„Не пугайся, предъ тобой

„Здѣсь царевичъ молодой.
„Полюбилъ тебя дѣвицу
„И назвать хочу царицей."
—„Ахъ, царевичъ! въ терему

„У Кощея я въ плѣну
„И томлюсь я въ горькой долѣ,
„Очи выплакавъ въ неволѣ.
— „Стой, царевна, не крушись,

„Съ злой судьбой пока смирись,—
„Я не я, коли Кощею
„Не сверну я тонку шею!
„А пока ты будешь ждать,

„Лишь стемнѣетъ, прилетать
„Стану я къ твоей свѣтлицѣ.
„Ну, прости!" — и снова птицей
Упорхнулъ и съ глазъ долой.

Стихло все, лишь надъ рѣкой
Свищетъ вѣтеръ одиноко.
—Гдѣ-то онъ? Теперь далеко...

И любовію полна,
Спитъ царевна у окна.

VI.

День за долгимъ днемъ проходитъ,
Въ терему царевна бродитъ,
Не сведетъ съ окна очей,
Скучно, грустно бѣдной ей.
Въ темну ночь напрасно птицу
Ждетъ печальная дѣвица.
Нѣтъ царевича, какъ нѣтъ,
Улетѣлъ, простылъ и слѣдъ.

Что-же съ нимъ? Ужли зазноба?
Закипаетъ въ сердцѣ злоба.
Льетъ царевна слезъ ручей,
Измѣнилъ царевичъ ей.
Какъ-то разъ она бродила
По свѣтлицѣ, наступила
На какой-то бугорокъ,
И подумала: шестокъ!
Посмотрѣла, анъ сердечко
Да съ серебрянымъ колечкомъ.
Въ ручки бѣлыя взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Вдругъ подула, малой птицей,
Чудо! сдѣлалась дѣвица
И въ окно летитъ скорѣй,
Не найдетъ ея Кощей!!!

VII.

Колокольный звонъ гудитъ,
Во дворецъ народъ спѣшитъ.
Тамъ сегодня ликованье—
Сына царскаго вѣнчанье.

А невѣста-то краса,
Ниже пояса коса,
И ужъ такъ-то благонравна,
Въ свѣтѣ нѣтъ во всемъ ей равной.

Краше солнышка лучей,
Тоньше стройныхъ тополей.
Говорятъ, влетѣла птицей
Во дворецъ, да вдругъ дѣвицей

Обернулась. Царь былъ тутъ.
Какъ увидѣлъ, коль не врутъ,

Обнялъ нѣжно онъ дѣвицу
И примолвилъ ей: — „Сестрица,
„Сыну вѣрной будь женой,
„Намъ невѣсткой дорогой."

* * *

Долго гости пировали,
Молодыхъ все величали.
А царевичъ молодой
Съ раскрасавицей женой

Стали жить да поживать,
Дѣтокъ милыхъ наживать.

* * *

Сказкѣ нашей тутъ конецъ.
Дѣлу всякому вѣнецъ.

Петроградъ, 4 Сентября 1899 г.

СКАЗКА О ЦАРѢ УПЫРѢ.

I.

Жилъ былъ въ нѣкоторомъ царствѣ,
Въ тридесятомъ государствѣ
Грозный царь, хоть богатырь,
По прозванью же Упырь.

Царь женатъ околъ три года,
А все нѣтути приплода.
Созывалъ онъ колдуновъ,
Ворожеевъ, вѣщуновъ

Со всего, слышь, государства,
Чтобъ содѣяли лѣкарство,
И могло оно помочь
Сына ей родить аль дочь,
Ей — Упыревой царицѣ,
Полногрудой молодицѣ.

Собирались колдуны,
Ворожеи, вѣщуны,
Что то нашептомъ шептали
И лекарствій ей давали.
Годъ проходитъ — не родитъ,
Царь прогнать ихъ всѣхъ велитъ.

Запечатана утроба!
И беретъ обоихъ злоба...
Льетъ царица слезъ потокъ
Про суровый тотъ свой рокъ.

* * *

Разъ съ царицей царь прощался,
Онъ въ походъ тогда сбирался

И давалъ такой наказъ,
Государевъ свой приказъ:

Ты прощай, моя царица!
Бѣлоснѣжна голубица.
Я, вишь, ѣду на войну
Въ очень дальнюю страну.
Если-жъ въ наше разлученье
Богъ пошлетъ благословленье,
Мигомъ шли ко мнѣ гонцовъ,
Быстрыхъ отроковъ-юнцовъ.

Тутъ онъ съ нею распростился,
Прыгъ въ сѣдло и въ путь пустился.

* * *

II.

Мѣсяцъ на небо всходилъ,
Мѣсяцъ землю освѣтилъ.
Какъ на той землѣ землянской
Жилъ народъ — отъ басурманскій.
И на этотъ то народъ
Царь Упырь пошелъ въ походъ.
Долго-ль, мало-ль онъ походитъ,
Годъ аль болѣе проходитъ,
Только ѣдетъ онъ домой,
И съ добычею большой:
Много серебра и злата,
Вражьихъ копій и булата.
Ѣдетъ день и ночь Упырь,
Передъ нимъ степная ширь.
Ни кусточка, чисто, гладко...
Гдѣ напиться? Вотъ загадка.

Пригорюнился Упырь,
    Справа, слѣва, все пустырь.
Кабы далъ кто мнѣ напиться,
    За лукошко бы водицы,
Не жалѣя, самого
    Отдалъ сына я-бъ свого.
Только молвилъ — что за диво!
    Передъ нимъ бѣжитъ шумливо
Полноводный ручеекъ,
    Шириною весь въ вершокъ.
Царь прильпулъ къ водѣ устами,
    Окунулъ и носъ съ усами.
Пьетъ онъ, пьетъ — какъ вдругъ за усъ,
    Кто то дернетъ! Царь не трусъ;
Все-жъ спужался препзрядно:
    Чтой-то думаетъ, неладно!
Притаился нашъ Упырь,
    Слышитъ: — Здравствуй, Нетопырь!
Не тревожься и не бойся,
    Поскорѣе успокойся,
Слушай радостную вѣсть:
    У царицы прибыль есть.
Услыхалъ Господь моленье,
    И послалъ ей разрѣшенье.
Помни только свой завѣтъ,
    Какъ пройдетъ пятнадцать лѣтъ,
Самъ отдашь свого мнѣ сына.
    Царь рванулся — густо тина
Облѣпила царскій усъ —
    Сталъ онъ зеленъ, былъ онъ русъ.
    Снова царь по степи скачетъ,
Самъ межъ тѣмъ чуть-чуть не плачетъ, —

Жаль царенка отдавать,
То-то будетъ плакать мать!

* * *

III

Вы, глашатаи, трубите
И народъ скорѣй зовите,
Что-бъ сбирались во дворецъ,
Такъ велѣлъ, молъ, царь отецъ!
Въ день царевича крещенья
Всѣмъ готово угощенье.

Всякъ — богатъ аль нищъ и хромъ
Пусть идутъ всѣ въ царскій домъ!
Долго гости пировали,
Упыриху величали.
Медъ, вино лились рѣкой,
Словомъ, былъ тамъ пиръ горой.

* * *

IV.

Годъ — за годомъ пробѣгаетъ,
Срокъ завѣтный наступаетъ,
Но забылъ про этотъ срокъ
Царь, забылъ и свой зарокъ.

Вздумалъ какъ-то нашъ царевичъ,
Благородный Упыревичъ,
Въ чистомъ полѣ погулять,
Дикихъ утокъ пострѣлять.

Вотъ царевичъ на просторѣ,
Но къ его велику горю,
Залетѣли утки къ морю,

Не осталось ни одной.
Грустный онъ бредетъ домой.

Чтой-то, бредитъ онъ иль вѣрно?
Передъ нимъ несется серна,
Прямо къ рѣчкѣ подошла,
Въ воду бухъ и поплыла.

Ищетъ броду нашъ царевичъ,
Благородный Упыревичъ,
Но напрасно — широка
Разстилается рѣка.

Пріупылъ царевичъ малость,
Не догнать — какая жалость!
Смотритъ, а на рѣчку мостъ
Навелся, на немъ помостъ,
И сосгроилось строенье,
Какъ по щучьему велѣнью.

Онъ бѣжитъ скорѣй на мостъ
И ступаетъ на помостъ.
Анъ бѣда! строенье гнило,
Ненадежно, еле живо;
Доски подъ ногой трещатъ,
Щепки въ стороны летятъ.

Мостъ приходитъ въ сокрушенье,
Нѣтъ царевичу спасенья.
Ай, царевичъ, берегись!
Слушай, лучше воротись!

Но ужъ поздно — въ неугоду
Съ мосту падаетъ онъ въ воду
Во мгновеніе одно,
И пошелъ, какъ ключъ, на дно.

* * *

V.

Не орлица надъ орленкомъ,
То царица по царенкѣ
Убивается, грустптъ,
У оконца все сидитъ,

Въ долгу ночь глазъ не смыкаетъ,
На сынка свого гадаетъ,
Не вернется-ли домой
Упыревичъ молодой.

Съ горя царь уже близъ года
Сталъ безчувственъ, какъ колода.

Посылалъ своихъ гонцовъ,
Быстрыхъ отроковъ — юнцовъ,
Онъ во всѣ сосѣдни царства.

Обошли всѣ государства
Государевы гонцы,
Быстры отроки — юнцы.

Вѣтры буйны вопрошали,
Полемъ, моремъ путь держали

И, замучавшись совсѣмъ,
Воротилися ни съ чѣмъ.

VI.

Во дворцѣ, въ своей палатѣ,
Во парчевомъ во халатѣ
Сѣлъ Упырь на царскій тронъ,
Погрузился въ сладкій сонъ.

Надъ царемъ комаръ все вьется,
Отъ него онъ отмахнется,
А комаръ къ нему опять,
Ну вертѣться и жужжать!

Вдругъ комарикъ изловчился,
Въ носъ царю всѣмъ жаломъ впился.
Почесалъ свой носъ Упырь,
На носу вскочилъ волдырь.

А комаръ ему: — дружище,
Пробудился, Упырище!
Полно, безъ просыпу спать,
А давай сынка искать.

Ты иди въ подводно царство,
Колдуново государство,
Тамъ въ плѣненьи подъ водой
Упыревичъ молодой.

Я-жъ тебѣ свою помогу,
Предлагаю. Ну, въ дорогу!

* * *

VII.

Расплескалася волна,
Говорлива и вольна;

Въ берегъ зыбкій ударялась,
На все море похвалялась:

Ужъ какъ я-ль во мигъ единъ
Жемчуговыхъ раковинъ,

Разныхъ камневъ самоцвѣтныхъ
Съ потаенныхъ мѣстъ завѣтныхъ

Брошу къ солнцу на востокъ,
Со дна моря на песокъ.

Ужъ какъ я-ль то говорлива,
Непокорлива, бурлива!

Такъ бахвалилась волна.
Только молвила она,

А на берегъ выѣзжаетъ,
Царь Упырь, съ коня слѣзаетъ
И таки слова вѣщаетъ:
— Ты, волна моя, волна,
Непокорлива, вольна!
Ты сейчасъ вотъ похвалялась,
Какъ о берегъ расплескалась,
Будто ты во мигъ единъ
Жемчуговыхъ раковинъ,
Разныхъ камневъ самоцвѣтныхъ,
Съ потаенныхъ мѣстъ завѣтныхъ
Бросишь къ солнцу на востокъ,
Со дна моря на песокъ.
Но не надо самоцвѣтныхъ
Мнѣ камней твоихъ завѣтныхъ
И безъ нихъ казна полна.
Госпожа моя, волна!
Смилостивься надо мною,
Надъ моею сѣдиною:
Помоги сынка сыскать!
Да не можешь ли сказать,
Гдѣ подводное то царство,
Колдуново государство?
Не печалься, царь Упырь,
Ободрися, богатырь!
Смѣло въ воду окунайся
И съ землей пока прощайся.
Во мгновеніе одно
Я спущу тебя на дно.
Тутъ съ землей царь распрощался,
Тотчасъ въ воду окунался

И давай скорѣй тонуть.
Ну прощай, царь, добрый путь!

* * *

VIII.

Шесть, семь, восемь, девять, десять —
Сорокъ выйдетъ, если свѣсить:
    Семь да восемь коль отнять —
    Будетъ только двадцать пять.
Это шутка — прибаутка,
Тажъ на новый ладъ погудка.
    Та-ра-рара, тара-ра
    Вышла кошка со двора.
Мыши кошку изловили,
На кусочки изрубили:
    Не шатайся по дворамъ!
    Мышкамъ — слава, кошкѣ — срамъ
Это шутка — прибаутка,
Все на тотъ же ладъ — погудка.

* * *

Лишь коснулся царь до дна,
Сталъ онъ кликать колдуна:
Гей, негодная скотина,
Отдавай скорѣй мнѣ сына!

    Но отвѣта нѣтъ — кругомъ
    Рыба плещетъ, семга, сомъ,
    Караси, сиги, миноги,
    Угорь, крабы, осьминоги.

Тутъ къ царю подплылъ омаръ
— Узнаешь-ли? Я — комаръ,

И повѣрь, Упырь, недаромъ
Обернулся я омаромъ!

Не тревожься, помогу
Я тебѣ, царь, какъ могу.

IX.

Ходитъ по дну царь печальный.
Вдругъ предъ нимъ дворецъ хрустальный,
И привратникъ у дверей
Родомъ будто изъ ершей.

Царь къ нему — но ершъ въ испугѣ,
Не окажетъ онъ услуги.
Царь вступаетъ на крыльцо
И берется за кольцо.

Входитъ въ залу. Тамъ на тронѣ
Въ перламутровой коронѣ
Возсѣдаетъ царь морской.
— Здравствуй, лѣшій водяной.

Здравствуй, мокрая скотина,
Скоро-ль ты отдашь мнѣ сына.
Отвѣчаетъ водяной:
Ну и злой же ты, ой-ой!

Вотъ что, царь Упырь — загадку
Дамъ тебѣ я на разгадку.
Отгадаешь — будетъ твой
Королевичъ молодой.

Подалъ знакъ, и въ то-жъ мгновенье,
Въ морѣ сдѣлалось волненье.
И плывутъ со всѣхъ сторонъ,
Рыбы тоньше макаронъ.

Закружились рыбы тонки
Вкругъ царя на перегонки.
Царь притихъ, на рыбъ глядитъ,
Водяной же хмыль хмылитъ.

Вдругъ омаръ со дна поднялся
И за рыбками погнался,
Настигаетъ онъ одну
И давай тащить ко дну.

Царь не глупъ, смекаетъ разомъ,
Не сморгнетъ, однакожъ, глазомъ,
Самъ на рыбокъ все глядитъ.
И спокойно говоритъ:

— Ну, и славная потѣха,
„ Право, лопну я отъ смѣха,
„Молодецъ же твой омаръ!
„Принеси его мнѣ въ даръ,

„Вмѣстѣ съ нимъ отдай и рыбку".
Видитъ царь морской улыбку,
Разсмѣялся самъ и вотъ
Знакъ трезубцемъ подаетъ.

И опять въ одно мгновенье
Въ морѣ сдѣлалось волненье
Закружилось все, бурлитъ,
Водяной же говоритъ:

— „Далъ тебѣ я на разгадку
„Хитроумную загадку,
„И скажу тебѣ, Упырь,
„Отгадалъ ты, богатырь!

„Рыбка та и есть царевичъ,
„Благородный Упыревичъ;

„За смиреніе твое
„Отдаю тебѣ его.

„Обо мнѣ не помни лихомъ.
„Будь здоровъ при нравѣ тихомъ —
„Да враговъ не наживай,
„А зароковъ не давай!

* * *

Сказка кончилась... и что же?
Вѣдь, не правда-ли, негоже
Получить такой урокъ,
Давъ несбыточный зарокъ?

